

При учете типичного состава имен активного класса, включающего в активных языках и обозначения деревьев и растений, возникает возможность более уверенного отнесения соответствующих лексем к классу «одушевленных» субстантивов и в протоиндоевропейском (его внутренним основанием является обычная принадлежность в древних индоевропейских языках обозначений деревьев и растений — в отличие от названий плодов — к мужскому или женскому, а не среднему роду). Отсюда должна стать очевидной некоторая неточность терминологической квалификации лежащего в его основе противопоставления биномом «одушевленность» ~ «неодушевленность». Если к тому же принять во внимание, что распределение имен в активных языках обнаруживает тенденцию к постепенному преобразованию в оппозицию по признаку противопоставления общественно активных денотатов общественно неактивным, сопровождающуюся переходом части названий предметов из второго класса в первый, то тем самым как будто снимаются некоторые затруднения в трактовке истории субстантивов мужского и женского рода в индоевропейском.

Семантику оппозиции двух спряжений протоиндоевропейского глагола инъюнктив ~ перфект, возможно, удастся уточнить в свете смыслового содержания противопоставления форм активного и стативного глагола языков активной типологии. Активные глаголы передают действия и состояния денотатов имен активного класса: ср. их значения 'идти' (//вести'), 'убивать' (//умирать'), 'расти', 'есть', 'сидеть', 'лежать', 'смеяться' и т. п. Напротив, стативные глаголы обозначают состояния и качества денотатов имен инактивного класса: ср. их значения 'катиться', 'валяться', 'висеть', 'быть большим', 'быть длинным', 'быть белым' и т. п. Не исключено при этом, что функционирование в активном глаголе этих языков незалоговой диатезы, противопоставляющей центробежную и центростремительную формы ('сажает' ~ 'садится', 'жжет' ~ 'горит', 'сушит' ~ 'сохнет' и т. п.) может пролить свет на решение сложной проблемы «исконного» содержания оппозиции индоевропейского «актива» и «медиума»¹⁰.

Небезынтересным представляется сопоставление двух серий окончаний протоиндоевропейского глагола, одна из которых (характеризующаяся суффиксами *-m для 1-го лица, *-s для 2-го и *-t для 3-го) соотносилась с формами инъюнктива, а вторая (в составе суффиксов *-H(V) для 1-го лица, *-tH(V) для 2-го и *-V для 3-го) — с формой перфекта, с активным и инактивным рядами личных аффиксов в языках активной типологии, где первые принимаются формами активного актанта, а вторые — формами инактивного. Общим оказывается и использование в обоих случаях единого для обоих чисел личного показателя. Нельзя, конечно, не обратить внимания на то обстоятельство, что в отличие от известных представителей активного строя личные показатели протоиндоевропейского глагола имели исключительно суффиксальный характер.

Если учесть, что засвидетельствованные активные языки часто обнаруживают двухличный принцип спряжения активного глагола, предполагающий обозначение как активного, так и инактивного актантов действия, то начаты еще П. Кречмером поиски показателя так называемого «объекта или неактивного субъекта» в морфологической структуре протоиндоевропейского глагола должны быть признаны вполне правомерными¹¹.

Возникает возможность подкрепить известную точку зрения на видо-временную историю индоевропейского глагола ссылкой на то обстоятель-

¹⁰ Ср. Г у х м а н М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964, стр. 264—267.

¹¹ Ср. К н о б л о ч J. La voyelle thématique -e/o- serait-elle un indice d'objet indo-européen. — «Lingua», 1954, vol. III, № 3; И в а н о в Вяч. Вс. Общиневропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 22.